

НЕМЕЦКИЙ НАЕМНИК КОНЦА XV – СЕРЕДИНЫ XVII ВВ.: ГРАНИ МЕНТАЛЬНОСТИ

Объектом исследования данной статьи является групповое сознание членов корпорации наемников, их самовосприятие, мировоззрение, идеология. Изучение этого предмета дает представление о ментальности немецкого наемника конца XV – середины XVII вв., также как и позволяет представить собственно лицо военного сообщества, сформировавшееся под непосредственным воздействием корпоративного сознания.

Каждый наемник, ландскнехт, как в собственных глазах, так и в глазах общества, прежде всего являлся членом военного сообщества, мощной, многочисленной корпорации, вне которой он себя не мыслил сам, и вне которой он не рассматривался социумом. Яркий и наглядный пример проявления корпоративного духа дает анализ знаменитых боевых песен ландскнехтов. Ни одна из них не содержит упоминания о частных боевых заслугах отдельно взятых личностей (сравним с героическим эпосом предшествующего периода, например, с «Песней о Роланде» и т.п.). Речь всегда идет только об анонимной массе воинов, бившихся там-то и свершивших то-то. Слава обезличивается, становится достоянием всего отряда, а, в конечном итоге, всей корпорации. Исключением не являются и встречающиеся на раннем этапе панегирики наиболее почитаемым и прославленным предводителям, поскольку военачальник (по крайней мере, в песнях) всегда понимается скорее как «первый ландскнехт», своеобразный символ всего сообщества, заслуги которого в равной степени принадлежали каждому, нежели как конкретная личность.

Зарождение корпоративного самосознания традиционно связывается либо с проявлением общинных начал, привнесенных в войско недавними селянами, либо с аналогичным заимствованием цеховых начал городского ремесла. Безусловно, новая структура в строго корпоративном обществе раннего Нового времени не могла не принять корпоративной же формы. Корпорация, своего рода квазисословие наемников, переняла и многие другие черты, присущие традиционным социальным группам феодального общества, и, в этом смысле, свое воздействие оказали оба источника кадров, однако, значительно большую роль в формировании специфического корпоративного духа сыграл скорее тактический фактор. Концептуальный переворот в военном деле, сделавший войны широкомасштабными, а военное ремесло массовым, потребовал введения жестко организованных тактических единиц как в пехоте, так и в коннице. С последней трети XV в. ведение войны впервые за несколько сотен лет вновь стало по настоящему коллективным делом. Отдельно взятый кригскнехт или рейтар, в отличие от рыцаря, не являлся самостоятельной боевой единицей и в одиночку, в силу куда более слабой индивидуальной подготовленности, стоил немногого, в то время как вкуче с товарищами, в боевом построении или на общем сходе, мог

вполне успешно противостоять нажиму как внешнего, «официального» противника, так и внутреннего — собственных военных властей, борьба с которыми, аналогичная борьбе любых наемных работников за свои права, требовала от рядовых не меньшей сплоченности.

В таких условиях немецкие наемники закономерно должны были осознать себя как единое сообщество с собственными правилами, обычаями и нормами поведения. Подобным образом формировался корпоративный дух и у наемников других национальностей, однако, в данном случае существенное влияние оказало еще одно, уникальное, обстоятельство — длительное присутствие в области группового сознания отчасти планомерно разработанной, отчасти самостоятельно развившейся идеологии. В ее основе первоначально лежали четыре основополагающих принципа. Максимилиан I Габсбург, создавая на основе верхненемецкого ополчения новое военное сообщество, пытался найти в нем прочную опору и во внешней, и во внутренней политике. Поэтому первым пунктом идеологии ландскнехтов стала необходимая *преданность империи и императору*. Вторым, поскольку новое войско нужно было сделать привлекательным для самых широких слоев населения, в том числе и для дворянства, с понятным пренебрежением относившегося к службе в пехоте, стала *идея «рыцарственности»* и этих войск. Третьим основным принципом явилась *идея воинского братства*, необходимая для обеспечения внутреннего единства весьма разнородного контингента. Четвертым — *декларация «благочестивости»* ландскнехтов, которая должна была обозначить религиозное и духовное единство корпорации.

Воедино эти идеи были сведены присвоенным зольднерами понятием «Орден ландскнехтов». Реальный Орден ландскнехтов — плод неудачной попытка создания Максимилианом I светского рыцарского ордена — имел мало общего с повседневной военной практикой. Однако он, точнее его идеальное и весьма искаженное отражение, существовал в сознании кнехтов, был основой их самопредставления и самоидентификации. Следует отметить, что подлинной сущности настоящего рыцарского ордена ландскнехты, в большинстве своем люди простонародного происхождения, не понимали и не могли понимать, и его элитарный, закрытый характер воспринимался ими скорее по более близкой аналогии с привычными духовными орденами. Так, известный нюрнбергский нищий поэт и певец начала XVI в., бывший ландскнехт, потерявший зрение в бою, Йорг Графф в своей «Песне об ордене военного люда» очень явно обозначил связь последнего с монашеским орденом, причем сам стиль изложения Граффа весьма схож со стилем монастырского устава¹. Именно в таком, весьма своеобразном, ключе военные изначально представляли свое сообщество, поскольку просто не знали иных вариантов классификации совершенно нового для Европы того времени образования.

Подобное понимание Ордена, многократно воспевавшегося в военном фольклоре, пусть и под несколько ироническим углом зрения, настолько прочно вошло и в сознание современников, что такие видные

ученые-гуманисты, как Себастьян Франк, Йоханн Фуггер и Парацельс, ведя о нем речь, облачают идеальную субстанцию в плоть, понимая Орден как «военное сословие», «корпорацию военных наемников».

С перерождением милиции, в качестве которой изначально создавались регименты ландскнехтов, в войска вольных наемников, изначальная идеология далеко не сразу и не полностью утратила актуальность, абсолютно лишившись только первой из четырех своих главных опор, а именно, *идеи службы исключительно интересам императора и империи*, в конкретных исторических условиях Германии конца XV — середины XVII вв. вообще не имевшей никакого реального основания. Для военных же, вынужденных продавать меч любому желающему, она стала и вовсе неприемлемой. Однако в остальном первоначальная идеология, несколько трансформировавшись, вполне отвечала интересам зольднеров. Превращение идеологии «защитников отечества» в идеологию наемников произошло почти незаметно и безболезненно, хотя подобный переворот не мог не привести к постепенному разрушению орденской идеи как ядра мировоззрения.

Особенно актуальной оказалась *идея братства*, жизненно необходимая для самого существования корпорации. Она сохранялась и в первой половине XVII в., когда об Ордене уже и не вспоминали. Даже подняв бунт и изгнав назначенных командиров, наемники не теряли единства, сохраняя прежние организационные формы. Георг фон Фрундсберг, один из первых и наиболее славных оберстов ландскнехтов, почитавшийся ими как отец, очень серьезно относился к орденской идее и называл своих воинов не иначе как «любимыми сыновьями и братьями». Перед битвой при Павии он надел поверх доспехов рясу францисканца², чтобы показать как своим бойцам, так и врагам, что считает себя лишь бедным воином, одним из многих орденских братьев. Однако довольно быстро вожаки наемников утратили братские чувства по отношению к своим подчиненным, что было взаимным, поскольку аппетиты первых в добывании доходов любым способом постоянно возрастали, напрямую затрагивая интересы рядовых, да и то, что антагонизм между предпринимателем, а именно в такой роли выступали военные вожди, и наемными работниками не дает возможности для какого-либо братского согласия, обе стороны прекрасно понимали. Таким образом, братство замкнулось на круг рядовых и избираемых ими роттмайстеров, низшего командного состава. Вожди наемников, тем не менее, постоянно апеллировали в своих обращениях к войску к орденскому, корпоративному самосознанию кригскнехтов, веря в него, как верил Фрундсберг, довольно редко, но гораздо чаще откровенно спекулируя. В любом случае, они пытались заечь сердца, говоря о верности сначала императору, а, впоследствии, и любому другому нанимателю, о воинском братстве, о рыцарственности сражения и чести корпорации. Слова «любимые честные [в смысле — «имеющие честь»] ландскнехты» («*liebe ehrlichen Landsknechte*») и «братья» («*die Brüder*»), «благочестивые немцы» («*fromme Teutsche*») и «сильные мужественные немцы» («*starke mannliche Teutsche*»),

и «добросовестный честный военный люд» («redliche ehrliche Kriegsleut») были обычным обращением в таких случаях. С перерождением идеологии сформировалась специфическая военная риторика с собственными стандартными фигурами и формулами, образцы которых можно найти почти в каждом военном трактате XVI столетия. Обычно же и военные трактаты, и другие источники именуют наемников «кнехтами» («die Knechte»), «рядовыми кнехтами» («die gemeine Knechte»), «пешими кнехтами» («die Fussknechte») или просто «пехотой» («das Fussvolck»). Как к ландскнехтам к наемникам обращались только тогда, когда хотели затронуть их орденскую честь, однако, желаемого результата удавалось добиваться все реже, особенно, когда дело касалось денег.

Чрезвычайно привлекательной оказалась для наемников и третья орденская идея — *идея рыцарственности*, одинаково заманчивая как для обнищавшего рыцарства, не способного, с финансовой точки зрения, обеспечить себе службу в тяжелой коннице, так и для простолюдинов, приравненных, таким образом, к благородным. В немалой степени этот аспект идеологии способствовал постепенному складыванию единого статуса профессионального военного. Впервые за долгие века вооруженные простолюдины получили возможность считать себя полноценными воинами, если и не рыцарями, то, по крайней мере, «сражавшимися на рыцарский манер»³ плечом к плечу с дворянством. Воинская честь и слава стали равно доступными для всех, и, хотя дворянину автоматически назначалось двойное жалование⁴, однако упор делался прежде всего не на происхождение, а на наличие в определенной степени гарантированных рыцарским воспитанием военных навыков. Кроме того, любой выходец из простонародья, предоставив доказательства своего мастерства, например, принадлежности к стрелковой гильдии или фехтовальному братству, или явившись на смотр в полном доспехе, мог претендовать на столь же почетное место в платежной ведомости, что и дворянин. Помимо этого, факт нивелировки социального статуса воинов оговаривался и юридически, уже в первых пунктах статейных грамот (предшественниц современных военных уставов) для пехоты и конницы, что нашло свое отражение в бессословности военных судов⁵.

Процесс уравнивания заходил настолько далеко, что дворян-ландскнехтам, чтобы как-то выделиться из общей массы, приходилось постоянно акцентировать внимание на своем высоком происхождении⁶. И если одна из ранних статейных грамот еще включала в себя требование рядовых обеспечить реальное равенство перед законом благородных и неблагородных, в качестве одного из самых важных и актуальных⁷, то в дальнейшем сословные границы в пехоте стали формальными, несмотря на то, что присутствие благородных оставалось предметом особой гордости ландскнехтов, одним из обоснований их чванливого и заносчивого отношения к окружающим. Оно многократно подчеркивалось и в песнях, и, как это можно предположить, анализируя стихи, которыми снабжались многочисленные летучие листки того времени, довольно объективно представлявшие типы ландскнехтов в обиходе.

Воздействие дворян на остальных военных в смысле осознания собственной значимости, появления чувства профессиональной гордости, несомненно, как несомненна и их роль в повышении боеспособности пехоты, но также несомненно и наличие обратного влияния небогатых, значительно быстрее начавших воспринимать войну исключительно как ремесло, пусть и облагороженное, что им было гораздо проще сделать ввиду отсутствия передававшихся с молоком матери иллюзий относительно высшего предназначения рыцарства. Выходцы из простонародья, в отличие от изначально благородных по происхождению, ценили исключительность статуса воина как такового, не обременяя его сопутствующими обязанностями, определенными рыцарским кодексом чести. Именно общение с ними, воздействие их понимания смысла войны, как и само занятие наемничеством, диктовавшим свои законы, практически уничтожило в среде немецкого воюющего дворянства последние пережитки идеологии рыцарства, и к началу XVII в. от «рыцарских чувств», по выражению военного теоретика того времени Й.Я.Валльхаузена, уже не осталось и следа⁸. В исследуемый период «рыцарственность» как понятие вообще имеет смысл только применительно к самоопределению статуса наемника, поскольку способы ведения войны, также как и общепринятые нормы поведения на ней, резко изменившиеся в связи с утратой рыцарством доминирующего положения и развитием массового наемничества, чрезвычайно быстро утратили даже и налет прежней куртуазности.

В коннице ситуация была иной. Среди рейтар тон задавали дворяне, несмотря на то, что со временем в ее рядах оказывалось все больше выходцев из бюргерства. Здесь формальной, по крайней мере, в глазах самих рейтар, оказалась сама идея нивелировки статуса, некоего равенства, оформленная, так же как и в пехоте, юридически. Тем не менее, вопреки внутренней напряженности, рейтары в целом неуважительно, обычно с насмешкой и презрением, смотрели на пехотинцев⁹. Они считали, что их собственные военное право и судебная система — прямые наследники традиций рыцарства, равно как и сама их исконно «благородная» служба в конном строю, а также традиционное предпочтение, оказываемое военными властями, дают им право оценивать свой род войск как более «рыцарственный», нежели пехота. В немецких землях, несмотря на достаточно высокое реноме ландскнехтов, служба в коннице продолжала считаться более подобающей статусу благородного. Дворянство, служившее в пехоте, сразу же воспользовалось появлением рейтар как нового рода войск (середина XVI в.) для перехода в их ряды.

Естественно, что подобные воззрения рейтар не могли не вызывать крайнего раздражения ландскнехтов, отличавшихся наличием столь же непомерных амбиций, и опиравшихся на идеологию, созданную специально для них. Обостряла озлобление и тайная зависть к большему жалованию и привилегиям конников. Этот дележ рыцарского наследия нередко приводил к стычкам и потасовкам, иногда даже перераставшим в массовые побоища. Многие статейные грамоты специально оговарива-

ли обязанность ландскнехтов мирно соседствовать с рейтарами в лагере, добровольно уступая последним место для размещения лошадей¹⁰.

Так как же наемник представлял себя сам? Основой его самовосприятия, психологии и, следовательно, отношения к окружающему миру, вне зависимости от рода войск, было четкое осознание своего особого положения, своей исключительности как члена воинской корпорации, с его точки зрения, самой славной и достойной. Понимание «особости» своего статуса имело, впрочем, двойственный характер. С одной стороны, какого бы происхождения ни был зольднер, он, как правило, принадлежал к той части населения Германии, которая оказалась «избыточной» в условиях чудовищного социального кризиса, переживавшегося страной в XVI-XVII вв. и бывшего, собственно говоря, одной из основных причин превращения наемничества в массовое явление; ландскнехт не мог не помнить о том, что, по существу, является «лишним человеком», изгоем, отторгнутым обществом, не нашедшим себе применения в мирной жизни, что все различие между ним и последним нищим попрошайкой заключается лишь в том, что у него нашлись средства для приобретения вооружения и смелость, чтобы подвергать свою жизнь постоянной опасности. Даже если ландскнехт или рейтар выбирал себе дорогу в жизни сам, ища приключений, славы или в надежде на добычу, он все равно полностью порывал с прежней жизнью, как правило, навсегда. Закономерно рождалось чувство неприязни к «нормальной» жизни во всех ее проявлениях. Конечно, причины этой неприязни, порой переходящей в настоящую ненависть, ландскнехты обычно пытались скрыть даже от самих себя, поэтому они очень редко фигурируют в их песнях. Скрытая зависть находила свое выражение в презрении ко всем невоенным, которые расценивались как домоседы, лентяи и трусы¹¹. Так же, кстати, с целью объяснения и оправдания образа жизни безработных наемников, в перерывах между войнами живущих милостыней, появилась и идея «похвального нищенствующего Ордена ландскнехтов»¹², однако уподобление себя францисканцам не смогло добавить им ни смирения, ни кротости, скорее — наоборот.

Следует, впрочем, отметить, что и само общество не оставалось в долгу, своим отношением способствуя укреплению и развитию отрицательных эмоций. Так, на одной из аллегорических гравюр XVI в., иллюстрировавшей притчу о добром и дурном сыне, последний изображен в виде ландскнехта, первый же — крестьянином, с любовью ухаживающим за родителями, причем, художнику, в данном случае лишь отражавшему общее мнение, было абсолютно безразлично, что у «дурного сына», лишённого всяких надежд на наследство по праву майората, просто не было иного выхода.

С другой стороны, специфика особого положения корпорации наемников определялась наличием весомых факторов как материального (правовые льготы, изъятие военных из юрисдикции сословных гражданских судов и пр.), так и идеального свойства (убеждение в рыцарственности военного сообщества, породившее в нем действительно рыцар-

ское презрение к любому труду и пр.), позволявшая ставить себя выше всех прочих, по крайней мере, неблагородного происхождения.

Так какими же еще исключительными качествами наделял себя зольднер? Основные и наиболее характерные черты можно найти в вышеупомянутых стандартных формулах обращения, льстивших самолюбию рядовых, и в их собственных песнях. Наряду с обычными характеристиками, такими, как «бодрый» («frisch») или «старый» («alt»), все снова и снова появляются такие самообозначения, как «свободный», «вольный» («frei») и «честный» («ehrllich») ландскнехт¹³. Именно они и являются ключевыми. Что же вкладывалось в эти определения? Не имевший ни земли, ни дома, ни какой-либо иной собственности, которая могла бы привязать кригскнехта к определенному месту, бродяга, ведущий кочевой образ жизни, для которого не существовало границ, вместе с потерей, в большинстве случаев, связи с родиной и привычным занятием, утративший раз и навсегда определенное место в традиционной сословной иерархии, освобождался тем самым и от всех, сопряженных с этим, ограничений свободы, в том числе и от ограничений в выборе господина, причем в условиях немецкого наемничества данного периода — господина временного. Наемник фактически не имел определенного подданства, не платил никаких налогов, не выполнял никаких принудительных работ и не признавал над собой господ в привычном для большинства его современников понимании.

Представления о «господине войны» (der Kriegsherr) — верховном нанимателе-монархе или о военачальнике в корне отличались от представлений обывателей о господине — феодальном сеньоре. Он понимался не как богоданный угнетатель и притеснитель, подчиняться чьим прихотям было обязанностью подданных от века, и восстать против которого могли заставить лишь крайние обстоятельства, но как равный деловой партнер, зачастую не очень состоятельный. Во времена максимальной коммерциализации войны в военной среде окончательно возрождался утилитарный подход, при котором главным стремлением обеих сторон, работодателей и наемников, стало стремление урвать что-либо друг от друга. А при учете того, что наниматель, не соблюдавший своих обязательств, терял в глазах солдат моральное право на полноценную власть и того, что сила корпорации рядовых как «профсоюза» была чрезвычайно велика, становится понятным, почему «господин» нередко оказывался заложником собственного войска и воспринимался как орудие, средство для легитимизации действий корпорантов. Не воин боялся своего хозяина, а чаще — наоборот. Сохранить власть хотя бы отчасти полководец нередко мог, только потакая коллективной воле, принимая те решения, которые масса кнехтов считала для себя выгодными (ненужные со стратегической точки зрения штурмы городов и т.п.). В этом случае он мог в некоторой степени рассчитывать и на добрую волю зольднеров. Такое положение вещей очень быстро стало настолько обычным, что статейная грамота Карла V, например, даже официально обещает, что «...будут Их Величество тем из простых кнехтов, кто захо-

чет служить к чести и пользе, способствовать и употреблять их во всех выгодных делах...»¹⁴. Естественно, что это не могло прибавить уважения к начальству в глазах ландскнехтов, а только делало их более управляемыми. Даже в идеальном случае, когда обе стороны выполняли условия контракта, правила, установленные нанимателем, жестко корректировались обычаями и традициями корпорации, после же роспуска региментов по истечении срока найма для зольднеров уже не существовало ни господ, ни законов. Й.Я.Валльхаузен сокрушался по этому поводу: «...такие воры хвалятся и когда они ис полку отпущены, и они мнят себе, что государя над собой не имеют. И что никто ими не повелевает и сие им пробывает и удается, потому что христианские государи в своих землях и уделах такое самовольство попускают»¹⁵.

Особую роль играл временный характер найма, сопровождавшийся наличием его полной свободы. Если для части дворян первоначально имело еще некоторое значение то дело, за которое они воевали, то для подавляющего большинства наемников-неблагородных, не связанных представлениями о ленных обязательствах перед императором и т.п., это очень быстро перестало быть существенным. Так, изображенному на одном из летучих листков большой серии, изданной еще в двадцатых годах XVI в., дворянину Паулю Добродетельному приписывается следующая пафосная речь:

«Я из высокорожденных благородных,
Ношу почетные латунные шпоры.
Остался я с благочестивыми ландскнехтами,
Помогаю защищать справедливость.
Желаю с пикой встать в первый ряд
Как благочестивый добросовестный благородный.
На войне испытал я свое рыцарство,
Буду честен как добросовестный ландскнехт»¹⁶.

В то же время в уста другого ландскнехта, в той же серии летучих листков, вкладывалась уже диаметрально противоположная по смыслу фраза: «Я служу и дьяволу, если он дает деньги»¹⁷, — наемники постепенно освобождались и от общей идейной нагрузки. Таким образом, в силу специфики профессии, образа жизни, дарованных привилегий и страха властей немецкий наемник был, пожалуй, самым свободным человеком в тогдашней Германии, что прекрасно осознавал и чем хвастался при каждом удобном и неудобном случае.

Вторым, важнейшим для вольного наемника понятием, обеспечивавшим в его понимании его исключительность, было понятие «чести» (die Ehre), прежде всего, чести корпорации, а затем и чести личной, обусловленной принадлежностью к военному сообществу. Именно с понятием «честь» связано большинство эпитетов, применявшихся по отношению к немецким военным: «добросовестные» («redliche»), т.е. добросовестно выполнявшие обязательства, принятые корпорацией, «верные» («treu»), т.е. верные не столько конкретному господину, сколько традициям сообщества, «сильные» и «мужественные» («starke»,

«mannliche»), так как, не имея этих качеств, нельзя было претендовать на то, чтобы считаться воином, а, значит, и на то, чтобы иметь честь, так как подлинной честью мог обладать только воин. Несколько особняком стояло определение ландскнехтов как «*благочестивых*», «*набожных*» («*fromb*» или «*fromte*»). Оно весьма неоднозначно, поскольку, с одной стороны, было пережитком изначальной орденовой идеологии и применялось чисто риторически, с другой, было равнозначно определению «храбрый» («*wacker*»)¹⁸, и, в то же время, упоминание о «благочестивости» кнехтов нередко можно встретить в связи с констатацией их верности присяге, поскольку клялись обычно Именем Божиим.

Честь социо-профессионального объединения, если угодно — цеховая честь, вообще всегда была присуща любой социальной группе сословного общества, и в этом смысле корпорация наемников не отличалась оригинальностью. Но в глазах военных она была несравненно выше чести любого цеха или гильдии, каковую они вообще не почитали честью, поскольку достигалась деятельностью на военном поприще, занятием благородным аксиоматически на протяжении многих сотен лет.

Что же включало в себя понятие чести? Во-первых, верность данному слову, присяге, деловую порядочность. Нарушение клятвы, клятвопреступление (*der Eidbruch, der Meineid*), пусть даже совершенное отдельными членами корпорации, считалось порочащим все сообщество. Одинаково серьезно ландскнехты относились и к обещанию соблюдать условия договора с нанимателем, и к клятве, данной кому-либо еще, даже врагу. Ложным было бы впечатление, что, даже в случае прямого нарушения соглашения нанимателем, бунт или забастовка, являвшиеся обычными средствами борьбы, были неизбежны и начинались сразу же. В большинстве случаев зольднеры оставались верны той статье контракта, которая оговаривала возможность задержки жалования. Они ждали, как это было предписано, посылали своих представителей к военным властям, и полностью вывести их из подчинения могла лишь чрезвычайно длительная задержка денег, сопряженная со всевозможными злоупотреблениями и продолжительными военными неудачами (т.е. отсутствием возможностей для грабежа), или с твердым убеждением, что жалование не будет выплачено вовсе, как в скандальном случае во время аугсбургского рейхстага 1538 года, когда в связи со внезапно пронесшимся слухом о том, что солдатское жалование якобы проиграно одним из придворных императора, взбунтовавшиеся войска под угрозой оружия принудили Карла V к немедленной уплате¹⁹.

Характерно, что сами статейные грамоты не относят понятие «клятвопреступление» к нарушению договора вообще, ограничиваясь лишь самыми вопиющими преступлениями, как то: отказ от дальнейших боевых действий в случае отсутствия *немедленного* вознаграждения, дезертирство с поля сражения, измена и недонесение о ней и т.п.²⁰ Таким образом, не все проступки признавались бесчестными, и прямо клятвопреступлением не назывался ни мятеж, ни забастовка, вызванные нарушением договора самим работодателем, несмотря на естественное ка-

тегорическое запрещение их уже в первой статье, то есть, пытаясь бороться с «профсоюзной» деятельностью корпорации, последний, все же, не считал ее бесчестной. Сами же ландскнехты обычно связывали такие действия с окончательным разрывом контракта, но до тех пор, пока он не произошел, считали своим долгом выполнять условия соглашения в целом, хотя, конечно, попытки получить определенные послабления в этом случае могли иметь место (сокращение времени караула и т.п.)²¹.

Есть примеры и верности в соблюдении клятв, данных противнику. Это и договоры о «доброй войне», и обещания не воевать против милостивого победителя. Так, ландскнехты, отпущенные из плена в ходе веницианской кампании 1509 г., поклялись в храме не воевать против республики Святого Марка в течение одного года. Вернувшись, они вскоре получили приказ военных властей возобновить боевые действия. Ответом был решительный отказ. Они написали, что хотят поступить как «благочестивый военный люд», в связи с чем послали своих амиссатов к императору для уведомления²². В то время, когда всяческая куртуазность войны была практически изжита и военные других национальностей постоянно нарушали клятвы, данные противнику, относительная честность немцев, безусловно, не рыцарская, свидетельствовала о том пиетете, с которым они относились к чести корпорации, и демонстрировала всю глубину проникновения в их сознание корпоративной идеи.

Помимо верности слову, понятие «честь корпорации» включало в себя и верность обычаям и традициям, соблюдение достоинства сообщества. Очень отчетливо это иллюстрируется следующим примером: когда в ходе Шмалькальденской войны гарнизон евангелистов был блокирован превосходящими силами императора в Нойбурге на Дунае, императорский наместник Ханс Шнабель обещал взамен сдачи города предоставить гарнизону возможность почетного отступления с оружием и «поднятыми значками». Однако он нарушил свое обещание, и, задержав ландскнехтов Шмалькальденского Союза, трехдневным голодом заставил их разоружиться и сорвать знамена, после чего вынудил дать клятву не воевать против императора и Австрийского дома. Это «нойбургское бесчестие» («Schmach von Neuburg»), двойное преступление против клятвы и традиций (т.е. принуждение к клятве), «новый неслыханный неландскнехтский обычай», было настолько экстраординарным и скандальным прецедентом, что для его обсуждения были созваны полностью регименты Шертлина и Хайдека, фактически, вся пехота протестантов. Решением круга была избрана специальная комиссия, которая пришла к выводу, что нойбургские зольднеры не должны придерживаться вынужденной клятвы. Решение было одобрено общим собранием, которое и освободило воинов-неудачников от их обязательств²³.

Позорящими сообщество делами считались также измена, воровство и убийство²⁴ (само собой, это относилось только к членам корпорации). Пока по этим обвинениям шло судебное разбирательство, символы воинской чести — значки должны были быть свернуты, распускались же они только после оглашения приговора, когда обвиняемый был уже

либо оправдан, либо осужден. Идя на казнь, он должен был просить своих товарищей о прощении. Получив его, он символически смывал общий позор своей кровью. Последним, что должен был видеть осужденный, были развернутые знамена, что, как и троекратный салют после его смерти²⁵, подтверждало снятие пятна со всей корпорации, символическое восстановление ее чести.

Еще одной составляющей понимания немецкими наемниками корпоративной чести было осознание естественной необходимости постоянно доказывать превосходство своего национального профессионального объединения над другими. Национальные формирования: швейцарцы, гасконцы, испанцы и немецкие ландскнехты, по словам французских военачальников Гаспара Таванна и Блеза Монлюка, сражались не только за деньги, но и за честь нации. В данном случае под честью нации, безусловно, подразумевалась честь национального военного сообщества, а не всего народа. Высокая боеспособность, подтвержденная громкими победами, имела и весьма утилитарное значение, особенно для немцев, которые, если можно так выразиться, были в большей степени наемниками, нежели кто-либо еще в тогдашней Европе. Слава, уважение к корпорации на рынке наемников приводило к повышению спроса и, соответственно, к увеличению цен на ее услуги.

Все это, как правило, имело следствием появление ничем не прикрытой враждебности по отношению к любым военным-чужеземцам, как к конкурентам. В случае если соперники оказывались под одними знаменами, в одном полевом лагере, стычки были неизбежны. Агрессивный, драчливый характер немцев делал любое недоразумение поводом для свары, легко перераставшей в грандиозное побоище. Число примеров такого рода бесконечно. В статейные грамоты была даже введена специальная статья, фактически запрещающая контакты с военными других национальностей, и, особенно, азартные игры, бывшие постоянным источником ссор. Однако настоящими архиврагами и архисоперниками ландскнехтов были швейцарцы. Обратившись к перепитиям их борьбы, можно наиболее ясно определить степень важности корпоративной чести для наемных воинов. Истоки их взаимной неприязни можно проследить еще в самом начале новой немецкой пехоты — бургундских войнах Максимилиана I. Недавние ученики (именно швейцарцы первоначально были инструкторами немцев) постепенно проникались злобой и завистью к своим учителям, имевшим большее жалование и привилегии, а также присваивавшим себе почти всю добычу. В то же время вожди ландскнехтов убеждали их в том, что они могут воевать ничуть не хуже наемников-швейцарцев. Схожие одежда, вооружение, организация и тактические приемы не только не способствовали сближению, но вызывали еще более жесткое соперничество. Все это привело к тому, что уже с 1487 года (Венецианская кампания) смешивать тех и других в одном отряде стало небезопасно²⁶.

Однако настоящую ненависть воины кантонов вызвали у немецких военных, нанеся им чудовищное поражение при Харде на Боденском

озере, в ходе Швейцарской войны, зимой 1499 года. После того, как боевые порядки ландскнехтов трижды атаквались швейцарцами, дравшимися с яростью берсерков, что вообще было им свойственно, началось повальное бегство. Победители не щадили никого, закалявая или загоняя бегущих в ледяную воду озера²⁷. Этот черный, позорный и страшный день еще десятилетия оставался в сознании ландскнехтов, копивших ненависть и жажду реванша, как «брегенцская могила» («Bregenzer Grab»)²⁸, в то время как горцы пожинали плоды своей победы, приобретая еще большую ценность на рынке наемников. После этой битвы они еще долго относились к немцам, как к «позорным коровьим пастухам, годным только для занятия скотоложеством»²⁹. Честь корпорации была восстановлена только в 1522 году в битве при Бикокке. Освальд Фрагенштайнер, автор песни об этой битве, описывая бегство неприятеля, замечает: «по полю была пищальная стрельба, тут швейцарцам и досталась могила». Далее он пишет: «Так они бежали, и мертвых швейцарцев каждый посетил»³⁰. Насмешливо он описывает добычу и ограбление трупов, которое, по старому обычаю, растянулось на три дня. Тогда и появились первые издевательские песни над воинами Союза:

«Как шли к Милану,
Там дали им награду
Ландскнехты их нашли,
Им подойник завязали
И выбили из страны.
Это их большой срам»³¹.

Швейцарцы чрезвычайно остро отреагировали на свое поражение. В одной, сочиненной после этой битвы, песне нашла свое отражение их оценка происшедшего. Швейцарский поэт пишет, что ландскнехты были гнусными лжецами, когда хвастались своей победой. Они воевали не как честные кригскнехты, то есть, не сражались в открытом поле, а зарылись в землю, как кроты, трусливо применив, к тому же, артиллерию (а не пики) против швейцарцев. Полный бессильной ярости и глубокого презрения, он заканчивает свою песню, обращаясь к ландскнехту: «...я вываливаю тебе на нос дерьмо и мочусь в бороду»³².

Когда швейцарцы и немцы оказывались под враждебными знаменами, объявлялась т.н. «злая война» («böse Krieg», «mala guerra»), в которой не брали пленных. В битве при Павии горцы добились желаемого — встретились с «гнусными лжецами» в открытом бою... и вновь потерпели поражение, после чего слава немецкого оружия поднялась на казавшуюся ранее недосягаемой высоту. Сумма одного солдатского жалования была увеличена вдвое. Ландскнехты начали свое многолетнее триумфальное шествие по Европе. При этом и тех, и других продолжали принимать на жалование одного и того же господина. Без проблем подобное «сотрудничество» не обходилось никогда, старая вражда так и не смогла быть похоронена.

Честь корпорации в глазах немецкого военного того периода всегда превалировала над честью личной, что отличало его, например, от воен-

ного-француза. Вообще, само понятие — личная честь — было разработано значительно меньше, нежели во Франции, хотя и отнюдь не было незнакомым, по крайней мере для благородных. Однако в немецком военном сообществе в целом, как уже упоминалось, тон задавали, главным образом, все же выходцы из простонародья, многократно численно превосходившие выходцев из рыцарской среды. Налет «рыцарственности», а, следовательно, и представлений о чести, прежде всего, чести дворянской, прямой наследницы чести рыцарской, был весьма поверхностным, привнесенным идеологией или заимствованным, а не выработанным столетиями. Глубокое наполнение смысла существования благородного человека, поддержание и умножение престижа и чести рода, завоеванных многими поколениями предков, доблестными подвигами, как в военное, так и в мирное время, было абсолютно чуждо зольднерам. Их честь была в поддержании чести корпорации, так же как и честь цеховых мастеров³³, и, если дворянин, поступая вопреки законам чести, порочил свой род и, главное, себя самого, то немецкий наемник неподобающими званию ландскнехта поступками порочил все военное сообщество. Именно действия, позорящие корпорацию, и считались, собственно, «бесчестными». Индивидуализму и эгоизму французских дворян, идейному центру королевской армии, в горячем стремлении добыть личные честь и славу, смешивавших собственные боевые порядки, был диаметрально противоположен жесткий коллективизм немецких зольднеров-простолюдинов, по крайней мере на поле брани, перед лицом врага хладнокровными, сплоченными и слаженными действиями отстаивавших корпоративную честь.

Именно по этим причинам дуэль в классической форме, как средство поддержания личной чести, в среде наемников практически отсутствовала. Способом выяснения отношений являлась т.н. «драка» («die Balge»), по форме — тот же поединок, но начисто лишенный идейного содержания. Так, если угрожающие масштабы, которые приняли дуэли во Франции, Испании и других странах, можно объяснить проявлением обостренного чувства собственного достоинства, гипертрофированных представлений о чести военного дворянства, то то же самое, хотя и в меньшей степени проявлявшееся, явление в немецких войсках, скорее, — особенностями национального характера и рода деятельности. В классическом понимании дуэль в Германии распространилась только ко времени Тридцатилетней войны и являлась скорее плодом иностранного влияния. До тех же пор немцам практически не были знакомы даже дуэльные трактаты, во множестве издававшиеся в других странах.

Если дуэлянт смело шел на поединок, так как почитал честь больше жизни, то ландскнехт, поссорившись с товарищем, хватался за оружие потому, что очень мало ценил собственную жизнь. Нередко ссора приводила только к обычной драке, которая во Франции, например, считалась исключительно уделом мужланов. Тем не менее, число вооруженных столкновений, явно под воздействием дурного примера военных иных национальностей, постепенно росло, несмотря на то, что статей-

ные грамоты настойчиво повторяли, что «каждый должен под страхом телесного наказания воздерживаться от преднамеренных потасовок и стараться поддерживать дружбу, мир и единство»³⁴. На иллюстрациях военных трактатов, изображающих полевой лагерь, довольно часто встречаются изображения поединков за пределами ложемента. Валльхаузен по этому поводу отмечал: «А в нынешних войнах свары и поединки тако умножились, что и за одно слово друг друга на поединки вызывают...»³⁵. Действительно, поводом к вызову в первой половине XVII века могло послужить что угодно, даже попытка доказать превосходство одного рода войск над другим, однако, самым распространенным всегда было обвинение в шулерстве при игре, на которое легко шел проигравший.

Свидетельством возрастающей актуальности этой проблемы является увеличение количества пунктов, запрещающих всевозможные столкновения, в статейных грамотах. Если в самом просторном варианте статейной грамоты Карла V их всего два, то артикул Максимилиана II включает уже семь статей³⁶. За честный поединок предусматривалось, да и то не во всех случаях, только телесное наказание, смертью же карались лишь подлое убийство, совершенное «вопреки миру», соблюдать который была дана клятва, и убийство безоружного. Равным образом наказывались проявления мстительности, а также поединки, проведение которых в определенное время и в определенных местах могло повлечь за собой пагубные, с военной точки зрения, последствия: «...после смены караула ни в теснинах, ни в ложементе, также и на утреннем подъеме и в строю...»³⁷. Кроме того, запрещалось использовать как «смертоносное» древковое и огнестрельное оружие, зато клинковым можно было «для самозащиты... пользоваться свободно»³⁸. Однако в ходе Тридцатилетней войны это зло стало настолько явным, что во время ведения боевых действий опять же, следуя иностранным примерам, поединки стали запрещать под страхом смертной казни³⁹.

Исследуя поединки как один из способов разрешения внутренних конфликтов, нельзя еще раз не обратить внимания на такую важную особенность немецкого военного сообщества, как фактическое отсутствие в его рамках сословных границ. Орденская пропаганда сделала свое дело — несмотря на то, что, безусловно, различия между благородными и неблагородными осознавались, к ним не относились, как к существенным. Любой военный, вне зависимости от происхождения, мог вызвать любого другого военного на честный бой⁴⁰. Принадлежность к военной профессии, членство в одной корпорации, братство по оружию делали это возможным. То обстоятельство, что военное сообщество XVI века представляло собой еще очень пеструю картину в отношении изначальной сословной принадлежности его членов (дворяне могли служить рядовыми, а выходец из бюргерства, как знаменитые Мартин Шварц и Себастьян Шертлин, мог стать оберстом и рыцарем), также сыграло значительную роль в складывании единого статуса военного-профессионала. Это было общим моментом во многих европейских странах в данный период, когда рыцарство, символ уходящего средневе-

ковья, практически исчерпало себя, а новая постоянная сословная армия, как институт абсолютистского государства, со строго распределенными ролями, еще не существовала. Поэтому в это переходное время простой кнехт, вне найма, мог вызвать даже своего бывшего командира, который не смел отказаться.

Внутрикорпоративное отторжение сословных предрассудков переносилось и во внешнюю сферу. Для зольднера не имело никакого значения происхождение и общественное положение того или иного лица, будь то рыцарь, граф или даже император, особенно, если их интересы сталкивались. Скандальный аугсбургский инцидент с Карлом V и многие другие примеры подтверждают это. Французский военный Франсуа Рабютен описал случай, глубоко потрясший все французское, даже воюющее, дворянство: 28 октября 1552 года, после боя у Невшателя, ландскнехты Альбрехта Бранденбургского устроили резню французских военных, где было убито более двухсот дворян, среди которых был и принц крови Бретонского дома герцог Роган, уже сдавшийся в плен. К двоим наемникам, захватившим его, подошел третий и потребовал своей доли в выкупе. Получив отказ, он, озлобившись, не задумываясь, застрелил принца.

Результатом крайне неоднозначного, противоречивого положения наемников, сочетания первоначально чрезвычайно высокой самооценки, отчасти подтверждавшейся и обществом, с осознанием себя «лишним» человеком, равно как и с хищническими привычками, приобретенными в непрерывных войнах, стало сознательное отрицание всех норм общественной морали, от которых они считали себя свободными так же, как и от прочих уз, налагаемых социумом. Корпорация наемников замкнулась, образовался особый, обособленный от внешнего, мир со своими собственными законами и нормами поведения. Моральные представления кригскнехта распространялись исключительно на сферу внутрикорпоративных отношений. Моральность и аморальность поступков определялась тем, поступал ли воин «по-ландскнехтски» или «не по-ландскнехтски», то есть во благо или во зло сообществу послужили его действия. Так, обокрасть товарища считалось смертным грехом, ограбить же штатского — правилом.

Да и трудно представить себе возможность другого отношения к внешнему миру, если мирное население, особенно во враждебной стране, изначально рассматривалось как дойная корова. Вследствие частых перемен мест службы зольднеры все заметнее переставали ощущать грань, отделяющую «своих» от «чужих», и следствием этого стало перенесение заведомо враждебного отношения на все без исключения мирное население, на которое не распространялись даже те незначительные ограничения, которые существовали по отношению к вооруженным противникам на поле боя. Различие же между войной и миром для наемника было только в том, отберет ли он то, что ему понравилось с помощью оружия или выпросит либо украдет. Любые насилия оправдывались исключительно весьма авторитетным, по тем временам, правом войны, неукоснительное следование которому совершенно развязывало руки. Ситуация усугуб-

лялась и тем, что ландскнехт ежечасно мстил за свое положение изгоя, за унижения и преследования властей в период безработицы.

Зольднер презирал всех невоенных, был полностью чужд всему мирному, упорядоченному. Для него жизнью была только война. Своим поведением, манерами, образом жизни, лексикой и, наконец, одеждой он желал не просто выделяться, но и эпатировать, потрясать воображение окружающих, тем более, что никто не мог и не смел ему в этом воспрепятствовать. Наиболее отчетливо прослеживается эта ситуация на примере экстравагантного внешнего облика военных того времени. Необычайно короткие стрижки, длинные или «половинные» бороды (т.е. бакенбарды) и чудовишные усы были отличительными признаками ландскнехтов, появившимися в конце XV века. До тех пор растительность на лице тщательно сбривалась, и Макиавелли насмешливо отмечал, что воины отпускают бороды, дабы пугать ими своих врагов. В то время как все без исключения сословные группы были вынуждены следовать распорядкам об одежде, предписанным на рейхстаге 1530 г. и дополненным на рейхстаге 1548 г., военные фактически освобождались от всяких ограничений: «наемный воин или хауптман, когда он находится в походе и может представить паспорт или документ, доказывающий это, может одеваться как ему удобнее»⁴¹. Характерно, что при этом главная цель регламента состояла в том, чтобы «каждое сословие имело свое отличие», и принимался он в связи с возникновением опасности стирания всяких внешних сословных различий. Ландскнехты пользовались своей привилегией в полной мере, одеваясь, в случае военной удачи, в шелк и бархат, украшая шляпы дорогими перьями, а грудь — золотыми цепями. Именно в военной среде возникла мода на разрезы в яркой, кричащей одежде, но венцом всего, предметом особой гордости наемника, подчеркивавшим его мужественность, был огромных размеров гульфик, покрытый разрезами, расшитый бисером, а иногда даже украшенный бантами.

Однако, как оговаривала та же статья регламента, возвращаясь на родину, кригскнехт терял свои особые права и должен был подчиняться общим законам, причем не только в одежде, но и во всем остальном, то есть он фактически лишался статуса воина, становясь таким же подмастерьем или батраком, каким был до своего первого похода. Ландскнехт весьма дорожил своим статусом и боязнь потерять свои «привилегии» и «честь» сделала возвращение к прежним мирным занятиям неприемлемым даже для многих из тех, кто имел такую возможность. Этот переход произошел в 20-30 гг. XVI в., в момент пика славы ландскнехтов, возвращавшихся в немецкие земли с полными кошельками и повозками, набитыми награбленной в итальянских городах добычей. В этот период прочно утверждается переродившаяся идеология, сделавшая возможным более регулярное участие в войнах, теперь уже под любыми знаменами, сократив, таким образом, самое тяжелое для военного время — время ожидания очередного найма. Так же, как за десять-двадцать лет до этого ополченцы переродились в наемников-полупрофессионалов, имевших и

постоянное мирное занятие, так и теперь последние перешли в разряд настоящих профессионалов, кормившихся только войной.

Выгодность военной службы по сравнению с тяжелым и полуголодным существованием поденщика или вечного подмастерья в этот момент казалась очевидной. Жизнь ландскнехта, со стороны представлявшаяся легким, веселым и разгульным развлечением, доходным и окруженным при этом ореолом славы, особенно в глазах молодежи, и именно в этом ключе рекламировавшаяся старыми служаками, действительно, на некоторое время приобрела подобные очертания. Не удивительно, что многим тогда это процветание казалось вечным. А колебавшихся подстегивал непрерывно нараставший социальный кризис. Вот два наиболее распространенных тогда взгляда на военную службу:

«Хочу поскорее своим ремеслом я заняться,
Хочу сейчас же стать военным человеком.
Не желаю работать за маленькую плату,
Намного сильнее желаю я праздно шататься...»⁴², —

высказывается новобранец, изображенный на одном из летучих листов. Далее он выражает зависть к ландскнехтам, которых «бегут беды». Еще более определенно мнение зольднера, изложенное в одной из песен, посвященных битве при Павии:

«В крестьянах я должен молотить,
Должен есть сырое молоко,
У короля я ем только мясо,
В крестьянах — грубый тик,
У короля я смело выступаю в поле
И иду оттуда, как свободный герой,
Рублю и секу
По дворянскому обычаю...»⁴³.

Окончательное превращение военной службы из дополнительного, хотя бы для части ландскнехтов, заработка в единственное ремесло фактически означало полный разрыв корпорации с обществом, замыкание ее на саму себя, и в целом ее оформление как автономного социопрофессионального объединения. Рубежом, ясно обозначившим начало этого перехода, стала Великая Крестьянская война, когда был положен конец всем переполнявшим общественное сознание идеям о преобразовании империи и о связанных с этим изменениях в общественной жизни.

В обыденном представлении большинства историков роль ландскнехтов в Крестьянской войне вполне определена. Они рассматриваются исключительно как орудие реакционного лагеря, однако современные исследования показали, что, в действительности, положение было значительно более сложным. На раннем этапе своего существования ландскнехты не были чужды основным устремлениям немецкого общества, народа, частью которого они себя тогда считали. Значительным был их вклад в дело Союза Башмака. Справедливые требования Союза Башмака не шли в разрез с имперской идеей а, следовательно, и с идеологией Ордена ландскнехтов. Они были как нельзя более актуаль-

ны для тогдашних ландскнехтов, среди которых было множество людей, не перешедших еще в разряд профессионалов, по которым общественный кризис ударил сильнее всего. Поэтому именно они стали «хребтом» планируемых восстаний, поскольку имели боевой опыт и, скитаясь в ожидании очередной войны, могли исполнять функции гонцов и вербовщиков. В поздних бунтах Башмака кнехты играли центральную роль (1513-1517). Организация Союза строилась по образцу пехотного регимента, при выборности всех должностей (давняя мечта ландскнехтов), культовые формы приняло в Союзе Башмака символическое значение фендрихов и знамен. Сам вождь заговорщиков Йос Фриц, для беспрепятственного передвижения по стране, пользовался костюмом ландскнехта⁴⁴.

Исходя из вышеизложенного, легко понять естественное недоверие властей к кнехтам, ярко проявившееся в 1525г., когда Швабский Союз был вынужден принять на себя функции «умиротворителя крестьян»⁴⁵. Опасения скоро подтвердились. Полководец Союза Георг Трухзес фон Вальдбург оказался в очень тяжелом положении. Так как более пятнадцати тысяч ландскнехтов в это время воевали в Италии, ему невероятными усилиями, обшарив все земли от Южного Тироля до Гессена, удалось собрать к марту 1525г. только четыре тысячи человек. Но главная сложность заключалась в том, что предлогом для вербовки была война против Ульриха Вюртембергского, рассчитывавшего вернуть отобранное у него герцогство при помощи швейцарцев, после же того, как кнехты узнали, что их основной противник — крестьяне, они устроили забастовку. Свой отказ от этой войны они обосновали, во-первых, тем, что считают крестьян своими друзьями и кормильцами, без помощи которых они не могли бы просуществовать в период временной безработицы, и, во-вторых, тем, что большинство их них были крестьянского происхождения, а некоторые и до сих пор причисляли себя к крестьянам⁴⁶.

Примерно полторы тысячи кнехтов ушли от Трухзеса, так как не хотели сражаться «против братьев»⁴⁷. Немалую роль в этом сыграли и распространявшиеся реформаторские религиозные представления. В отряде ходили слухи, что Бог разбудил в восставших «детей Израилевых», которые только требовали осуществления Божественного Права⁴⁸. То, что Вальдбург, в конце концов, все же смог вывести в поле большую часть набранного войска, хронист приписывает смене настроения зольднеров, вызванной искусной речью полководца. Выступая, Трухзес апеллировал к Ордену ландскнехтов, очень убедительно представил действия крестьян как несправедливые, а, главное, объяснил воинам, что не крестьяне, а князья и города до сих пор были их истинными кормильцами, и их поражение обернется гибелью и для Ордена. В конце он смело объявил, что желающие могут свободно уйти, и это окончательно склонило кнехтов на его сторону. Рядовые решили не отказываться от похода и подчиниться ему, «как надлежит благочестивому военному человеку»⁴⁹.

Этот эпизод ясно указывает точку перелома в сознании ландскнехтов, момент, когда формирующееся корпоративное и профессиональное самосознание окончательно берет верх, и военное сообщество отделяется от

своих корней. Наемники осознают свое новое место в структуре социума, и, в сущности, Крестьянская война становится для них войной за выживание.

Хотя часть кнехтов и решила уйти домой, эти потери были очень скоро восполнены за счет войск, возвращавшихся из Италии. Здесь в полной мере проявила себя сила законов рынка наемников: большинство из ветеранов были готовы предложить свои пики любой из сторон, однако крестьяне, несмотря на уговоры своих вождей, в частности, Венделя Гиплера, часто отказывались от их услуг, опасаясь соперничества при разграблении богатых монастырей и замков⁵⁰. Волей-неволей, отвергнутым военным приходилось наниматься на службу к князьям. Подобными поступками восставшие сами отделяли от себя зольднеров, что не могло не породить в последних ненависть, чувство, которому они обычно поддавались очень легко.

Тем не менее, нельзя не отметить, что ландскнехты воевали и в некоторых крестьянских отрядах — иногда за жалование, иногда и за убеждения, причем численность их порой была довольно значительной. Как и в заговорах Башмака, крестьяне многое заимствовали у военных: они имели похожие статейные грамоты, военное право и ту же иерархию должностей. Многие из крестьянских предводителей ранее были ландскнехтами: Флориан Гейер — предводитель Черного отряда, Ханс Мюллер из Бульбенбаха — хауптман шварцвальдцев, Вальтер Бах — вождь алльгаусцев⁵¹. Но, даже в случаях тесного сотрудничества, было очевидно, что интересы крестьян и кригскнехтов не совпадали. Они очень редко смешивались, как правило, сохраняя организационную самостоятельность.

Князья принимали ландскнехтов гораздо охотнее, нежели крестьяне, не жалея денег, поскольку очень нуждались в пехоте как для полевых сражений, так и для штурма укреплений. В конечном итоге закономерно восторжествовали сторонники обособления корпорации. Их победа была тем более полной, что их противники разделили участь потерпевших поражение крестьян, то есть были по большей части перебиты. Отношения с крестьянством были испорчены, и, несмотря на угрозы совести, преследовавшие некоторых зольднеров (по меньшей мере, в одной из песен автор-ландскнехт, воевавший против франконских отрядов, оправдывался тем, что должен был только защищаться, будучи связан клятвой со знаменем князей, и поэтому никто не должен на него обижаться⁵²), сложившееся положение уже не могло быть изменено.

Крестьянская война является важной вехой в истории становления германского наемничества еще и потому, что в ее ходе ландскнехты впервые столкнулись на поле боя с ландскнехтами. Эта ситуация, в дальнейшем многократно повторявшаяся, стала свидетельством максимально возможной в рамках наемничества профессионализации, когда верность профессиональной этике и чести ставилась выше факторов иного порядка: национальных, политических, религиозных и пр. Наемники Швейцарского Союза не смогли преодолеть этот барьер в силу ряда экономических и политических причин. Немцы же шли на взаимное уничтожение, не переставая, тем не менее, считать друг друга брать-

ями по корпорации. Единственная поблажка, которую они делали «братьям», заключалась в том, что после боя победители не устраивали массовой резни побежденных, ставшей с начала XVI века почти нормой.

Последней нитью, связывавшей корпорацию с обществом, оставались общие религиозные устремления. Изначальное самоопределение ландскнехтов как «благочестивых», помимо множества косвенных значений, имело и прямое. Ландскнехты Максимилиана I перед началом битвы дружно преклоняли колени и истово молились. Коленопреклоненными перед распятием воинов нередко изображали оружейники, вытравливая этот сюжет на их доспехах. Когда фендрих получал значок — символ чести сообщества, он напутствовался словами о том, что ему доверяют знамя так же, как Иисус на кресте доверил свою мать заботам Иоанна⁵³. Во многих песнях упоминается Матерь Божия как заступница военных, Святой Георгий в качестве патрона, нередко можно встретить и фразу: «Бог за нас»⁵⁴.

Вместе с развитием идей Реформации, деформируется и религиозное мировоззрение военных, причем идея их «благочестивости» остается в силе, поскольку принятие новых воззрений, по тогдашним представлениям, только приближало к Богу и ничуть не противоречило орденской идее. Так, ландскнехты в войске Франца фон Зиккингена в походе против архиепископа Трирского в 1522 г. понимали свое дело как богоугодное, как паломничество и несли в качестве эмблемы на знамени тетраграмматон, что должно было означать: «Господи, твою волю вершим». В манифесте, распространенном в войске, было подчеркнуто, что ландскнехты — рыцари Господни и борются против врагов евангелизма. Также и в статейной грамоте Зиккингена святая бедность военных людей и их глубокая вера в Бога особенно отмечалась⁵⁵.

Впрочем, гораздо большее значение для них, как и для очень многих немцев, имела негативная сторона Реформации — ненависть к попам. Так же, как и многие обыватели, зольднеры направляли свой протест прежде всего на персоны, а не на структуры. Особенную ненависть вызывал римский папа, и ненависть эта старательно подпитывалась. Перед римским походом (1527 г.) Георг фон Фрундсберг, разделявший идеи Реформации, неоднократно публично заявлял, что папа Климент VII, как зачинщик войны и враг императора, будет наказан и, если понадобится, казнен его собственной рукой, а, кроме того, что дважды обещанное и дважды невыплаченное жалование ландскнехтов находится в сокровищнице замка Святого Ангела. Естественно, что эти речи воспринимались с большим воодушевлением, тем более, что были подкреплены проповедями полевых капелланов, выставивших папу врагом Господа и Антихристом⁵⁶. Поэтому, когда Вечный город был взят, мысли немцев были заняты не только грабежом. Поруганию были подвергнуты как святые католического мира, так и сам духовный глава западного христианства. Вот что сообщает об этом полевой секретарь и биограф Фрундсберга Адам Райсснер: «Свирепых и противоестественных дел немцы не совершали, но было много озорства. Они надевали кардинальские шапки

и длинные красные мантии и так на ослах объезжали город, не переставая удивляться длинным хвостам кардинальских мантий, которые были между ними поводом для многих рассказов, и диспутировали, откуда все же такая бесформенная, немужская, бабская одежда имеет свое происхождение. С этой одеждой вели немецкие кнехты свою обезьянью игру и изображали папу с тремя коронами, и с папской помпой ездили перед замком Святого Ангела, а своему карнавальному папе делали реверанс, поднимали спереди свои длинные мантии, так что задняя часть волочилась по земле, глубоко сгибаясь головой и плечами, целовали ему руки и ноги. Затем ландскнехтский папа стаканом, полным вина, благословлял собравшихся и передавал напиток пленному папе. Между тем, кнехтские кардиналы становились на колени и, как послушные чины, также выпивали каждый по стакану, крича при этом, что они хотят быть покорными императору, как главе, а не так, как прошлый упрямец. Под конец они громко кричали, что они хотят пожаловать папство Лютеру, и, если кому такое понравится, тот должен поднять руку; потом все поднимали свои руки и орали: Лютер — папа!»⁵⁷

Понятно, что папа еще много лет был для немцев олицетворением зла. Ландскнехтские песни называли его не иначе, как отравителем источников, нарушителем мира и Антихристом. С антипапизмом соседствовало выражение надежд на Карла V, который должен был стать народным императором, то есть тем, кем хотели видеть его деда Максимилиана.

Однако в военных конфликтах на религиозной почве — Шмалькальденской войне, Гугенотских войнах во Франции и Нидерландской революции, — сам род занятий наемников принудил их к своеобразной «веротерпимости». Приверженцы старой церкви и протестанты могли совершенно свободно оказаться на любой из сторон. Ландскнехты воевали против ландскнехтов, рейтары против рейтар, за Реформацию и против нее. Безработный воин не мог быть разборчив, а вербовщиков не интересовали религиозные воззрения. Если в песнях начала Шмалькальденской войны можно было услышать такие слова:

«Слово Божие они хотят заглушить,
Своей ложью извратить.
Против этого хотим мы бороться
Так долго, как живем.
Хотим мы за это умереть.
Честь и хвала Господу,
Который сказал нам,
Что вечная жизнь там...»⁵⁸,

и бывали случаи, когда зольднеры при вербовке выставляли условие, что их не будут использовать против евангелистов и даже, объединенные общим с обывателями религиозным порывом, храбро атаковали превосходящие силы противника, как, например, при осаде императором Магдебурга, граждане которого, по словам одного из них, «в нужде так смело друг за друга встали, и так были едины с рейтарами и кнехтами, что, когда один видел нужду другого, то всем отрядом шли на риск и

выручали друг друга, как братья»⁵⁹, то позднее безработица заставила их отказаться от верности принципам.

Тем не менее, военачальники оказались в весьма непростой ситуации, получив в подчинение столь противоречивый в профессиональном плане контингент. Неуважение к религиозным представлениям той или иной группы могло вызвать большие неприятности, а стычки на этой почве между рядовыми, наряду с шулерством, легко становились поводом для драки. Поэтому был принят целый комплекс мер в целях достижения компромисса. Так, была изменена формула присяги, употреблявшаяся в судопроизводстве. Члены суда теперь больше не присягали всем Святым, а только Господу, что делало эту процедуру приемлемой как для католиков, так и для протестантов. Даже в региментах на испанской службе присяга была соответственно изменена: «Итак, я клянусь и торжественно обещаю, Божьей помощью и Святым Евангелием...»⁶⁰. С наемниками-лютеранами не рисковала связываться даже всемогущая испанская инквизиция.

Императорский военачальник Якоб Ганнибал фон Хохенэмс во время войны в Нидерландах против кальвинистов разрешил отправлять в своих войсках богослужение как католическим, так и лютеранским священнослужителям⁶¹. В статейной грамоте Максимилиана II (1570 г.) протестантские проповедники фигурируют наряду с католическими священниками. Нередким стал запрет, зафиксированный в некоторых статейных грамотах, на ведение, под угрозой телесного наказания, дискуссий по религиозным вопросам, способных привести к столкновениям⁶².

Угроза потери единства в рядах военных заставила Рейнхарда графа цу Сольмс, известного военачальника, военного теоретика и публициста, обратиться к этой теме в своих «Диалогах», посвященных актуальным политическим проблемам. Неоднократно в них заходит речь о споре между двумя ландскнехтами, один из которых католик, приверженец императора, а другой — евангелист. В «Беседе двух военных» оба кнехта, в конце концов, приходят к выводу, что их употребляют во зло, и Шмалькальденская война не принесет никакой чести. Призыв Сольмса относился, собственно, к орденской идее, само дальнейшее существование которой начало казаться сомнительным. Диалог заканчивается тем, что оба зольднера обещают, вопреки всем перипетиям, остаться друг другу добрыми товарищами⁶³.

Надежды Сольмса оправдались. Очень быстро разумные шаги властей, а главное, неумолимые законы рынка сделали свое дело, и наемники, чья чисто внешняя религиозность и ранее проявлялась наплывами (так, еще в первой четверти XVI в. в одной из песен, прославлявших военное ремесло, встречаются строки: «...так пробил мне барабан, который мне в девять раз любезней, чем все поповское бормотание»⁶⁴), все утратили интерес к делам веры, оборвав тем самым последнюю связь с немецким обществом. Их обычный лозунг «Коротких проповедей и длинных колбас!» звучал резким диссонансом в эпоху грандиозной борьбы идей, однако ярко выражал позицию корпорации.

Рядовые говорили, «что хоть и дьяволу из денег служить готовы. И что они, солдаты, служат за деньги, а не за веру, и молвят: вера здесь, вера там, кто болши денег предложит, тому и служим»⁶⁵. Для предводителей наемников конфессиональная принадлежность также стала формальностью, которая, тем не менее, могла принести значительные выгоды, позволявшие им поддерживать высокий общественный статус, хотя и привязывала к определенной стороне значительно прочнее, чем рядовых. Так, в начале XVII века и в годы Тридцатилетней войны переход из лютеранства в католичество стал обычным.

Военные не питали иллюзий относительно своего загробного будущего. Если в первой половине XVI столетия распространенным было народное предание, весело обыгранное в двух блистательных шванках Ганса Сакса, утверждавшее, что на том свете для ландскнехтов выделено специальное место (Waiteinweil)⁶⁶, где им уготовано ожидать Страшного Суда, поскольку Рай их принять не может (обманув Св. Петра, они все же проникают туда, устраивают дебош, после чего выдворяются из райских куш так же при помощи обмана, поскольку напрямую конфликтовать с ними не решается даже сам Господь), а Ад — боится⁶⁷. В дальнейшем, все же, именно Ад стал считаться более естественным обиталищем для военных, обреченных на геенну огненную самим родом своих занятий, что, впрочем, в силу маловерия и привычки к разнообразным ужасам войны, мало кого из них пугало.

В армейских кругах считалось, что «...меж солдат достигают царствия небесного не мужественные герои и отважные воины, а одни только придурковатые олухи, трусливые разини, слабодушные пентюхи, отпетые лежебоки и им подобные, которые довольствуются своим жалованием». Отсутствие надежды на райское блаженство в совокупности с жизнью, наполненной риском (в ходу была пословица: «Ландскнехт схож со свиньей булочника тем, что ни он, ни она не знают, когда их будут резать и душить»), определило специфику зольднерского взгляда на жизнь, философию, основной чертой которой являлся всепоглощающий фатализм.

Тем не менее, ввиду сомнительных загробных перспектив, военные по возможности старались продлить срок своего земного существования. Истинная вера вытеснялась суевериями, а то и прямым откровенным колдовством. Самым распространенным и безобидным суеверием было представление о существовании счастливых и несчастливых дней. Так, например, Рене Лотарингский вынужден был изменить свое решение о начале сражения, поскольку его ландскнехты отказались идти в бой в день Избиения Младенцев в Вифлиеме (28 декабря), который считался неудачным для любого начинания⁶⁸. Также распространены были представления о том, что, прочитав перед статуей Св. Варвары определенную молитву, можно было вернуться из битвы живым и невредимым, а также, что взглянувший на образ Св. Христофора не испытает в тот день никаких напастей. С иронией эти суеверия высмеивал Эразм Роттердамский в своих «Разговорах запросто». Его герою — трусливому наемнику Трасимаху спяну видится, что статуя святой кивает ему, как бы беря

под покровительство, а образ Св. Христофора он, в целях повышения эффективности, сам рисует углем на стенке палатки⁶⁹.

Значительно почиталась и сила всевозможных талисманов, главным образом предохраняющих от ранений, как-то: веревки повешенного, волчьего глаза, головы и крови летучей мыши и т.п. Тем же целям служила и так называемая «das Nothemd» — рубашка, сотканная и сшитая девственницей в ночь перед Рождеством. Защитным средством могла стать также бумажка, исписанная «волшебными» значками, проглоченная и запитая вином, которое необходимо было предварительно перекрестить. По вполне понятным причинам услугам полевых врачей и фельдшеров предпочитали лечение «волшебными травами», а останется ли раненый в живых узнавали, насыпав некий порошок на клинок ранившего оружия, накаленный над огнем⁷⁰. К подобным действиям, сопровождаемым «святыми словесами», церковь относилась довольно спокойно, применявшие же талисманы всего лишь осуждались.

Однако «Молот ведьм» (1485 г.), признаваемый в качестве непререкаемого авторитета как католиками, так и лютеранами, сообщает и о чрезвычайной распространенности в среде военных и настоящего колдовства. В частности, речь идет о стрелках из лука, арбалета и пищали, которые, «дабы не знать промаха», заключали договор с дьяволом и поражали пулей или стрелой изображение Спасителя столько раз, сколько планировалось убить людей в намеченный день. Подобные поступки считались отречением от Христа действием, «...ни с чем не сравнимым поруганием...»⁷¹. Равным образом квалифицировалось и уродование распятия с целью избежания ранений (отрубалась или повреждалась та часть тела статуи, защитить которую требовалось), причем сообщается, что этот безобразный обычай настолько распространен, что «...из десяти изображений Христа, стоящих на перекрестках, не найдется ни одного совершенно целого»⁷². Теоретически крайне предосудительным признается и предохраняющий заговор «богохульными словами» или заговор оружия.

Практически о том же, в начале XVII века, то есть более чем через сто лет, писал Й.Я.Валльхаузен, отстаивая веру в Бога, которого, по его словам, должен иметь в сердце каждый военный: «...а на иные заказанные идольския меры и на ведонство не надеяться и от оружия от поколотия на стрельбы не заговариватися. Которое все от диявола есть, но защите и оборонению его быти то, что Бога в сердцах своем имети, который многим лутчи может помощи и избавить, нежели такая идольския и дьявольския меры. А те которые таких мер держатся не Бога, но дьявола в сердцах своем имеют»⁷³.

Характерно, что «Молот ведьм», предусматривая в качестве наказания для приютивших стрелков-колдунов и пр. князей и военачальников отлучение от церкви, особенно оговаривает неприкосновенность войска, «находящего удовольствие в меткой стрельбе колдуна»⁷⁴, то есть даже строгие отцы-инквизиторы, подобно светским властям, опасаясь наемников, относились к их «грешкам» попустительски даже на бумаге. В реальности же, практически все действия колдовского характера, совер-

шенные военными, оказывались безнаказанными и в пик охоты на ведьм и, более того, нередко приветствовались командованием. Судя по всему, довольно типичной являлась ситуация, описанная Г.Я.К.Гримельсгаузенем, в которой фигурировал профос-колдун. «Искусство» этого профоса, который «был заклятый чернокнижник, умел вертеть решето и заклинать дьявола, и не только сам был крепок как булат, но и других мог сделать неуязвимыми и, вдобавок, напустить в поле целые эскадры всадников [создать мираж]...», не считалось грехом и использовалось на практике, к примеру, для выявления вора, причем на официальных началах⁷⁵. Распространенным среди наемников видом колдовства считался и заключенный с дьяволом договор, имевший целью обеспечение постоянного успеха в игре.

Естественно, такая, абсолютно противоположная всеобщей, атмосфера не могла способствовать проявлению даже внешнего уважения к религии. Церкви и монастыри безжалостно разорялись, священнослужители подвергались всевозможным издевательствам, вопреки строжайшим запретам статейных грамот. Собственные капелланы нередко оказывались на положении шутов. Однако самым укоренившимся пороком, резко бросавшимся в глаза, были божба и богохульство, почти единственные в то время формы брани, производившие настолько глубокое впечатление на современников, что в немецком языке до сих пор употребительным является фразеологизм «ругаться (проклинать) как ландскнехт» («fluchen wie ein Landsknecht»). В одном из военных трактатов была даже приведена ироническая схема, изображавшая распространенные объекты божбы: распятия, раны Христовы и т.п. Разумеется, это также предусматривало наказание вплоть до лишения жизни, но лишь формально. Поэтому неудивительно, что постороннему наблюдателю солдаты казались «хулителями Христа и его учения, а вовсе не христианами»⁷⁶. До некоторой степени такое утверждение соответствовало действительности.

Жизнь наемника, протекавшая в полном соответствии с популярным в то время мотивом колеса Фортуны, не отличалась упорядоченностью. Ландскнехт жил одним днем, справедливо полагая, что этот день может оказаться последним. Поговорка гласила: «Редко можно найти старого ландскнехта», поэтому зольднер старался жить широко, получая максимальное удовольствие от всех мыслимых бранных радостей жизни. Добытое мечом проживалось очень легко. «Был я и беден, и снова богат...»⁷⁷ — произносит ландскнехт, изображенный на старой немецкой гравюре. Всякое стремление к накопительству у простых кнехтов, в отличие от их вождей, отсутствовало напрочь. Честолюбивые устремления, во времена, когда с каждым годом продвинуться хоть на ступень в служебной иерархии становилось все тяжелее и тяжелее, также не были свойственны массе рядовых. Временами солдат мог умирать от голода и ходить в лохмотьях с чужого плеча, но, если всемогущая Судьба была к нему благосклонна, он пил лучшие вина, объедался редчайшими яствами, поглощая все это в невероятных количествах, поражавших даже известных чревоугодников — французов, увешивал себя золотом, одевал-

ся в бархат, шелка и венецианскую парчу. Он быстро спускал все свое достояние, обогащая проституток, в огромном количестве следовавших за войсками, виноторговцев, «торгашей и евреев»⁷⁸.

Однако главной страстью военных всегда оставалась игра в карты или в кости (зернь), поскольку в ней, как в зеркале, символически отражалась их судьба. Азартные игры, неуемность в которых солдат стала притчей во языцах, многократно запрещались под страхом сурового наказания, являясь как источником беспорядков, так и, нередко, приводя к проигрышу коня или оружия наемника, что было совершенно недопустимо, поскольку являлось прямым нарушением контракта. Но все запреты оказывались бессмысленными, и потому в ходу было мудрое решение проблемы — для игры выделялась специальная площадка в лагере, где она могла бы до некоторой степени контролироваться властями⁷⁹.

Таковыми же напрасными оказывались запреты и ограничения на употребление спиртного, часто встречающиеся в статейных грамотах. Без алкоголя война не мыслилась как таковая. Он занимал видное место среди важнейших военных припасов. Немецкие военные долгое время оставались не только первыми вояками в Европе, но и первыми пьяницами. Именно ландскнехты приучили к беспардонному пропойству швейцарцев, ранее чуждых этому. Именно в военной среде вошел в употребление дурной обычай отвечать на угощение в двойном объеме⁸⁰. Вообще, складывается впечатление, что все мыслимые и немыслимые пороки усваивались военными сразу же по мере их появления на свет. Так, в XVII столетии немецкие наемники переняли от английского корпуса в Богемии и курение⁸¹. Сексуальная жизнь зольднеров была настолько беспорядочной, что завезенная моряками Колумба так называемая «испанская (или «французская») болезнь», то есть сифилис, приняла в военной среде уже в начале XVI века эпидемический характер⁸².

Подобная жизненная философия, да и, в сущности, само мировоззрение наемников в совокупности всех своих составляющих не могли не создать особую атмосферу — атмосферу вседозволенности, существовавшую в наемных войсках. Испанские и немецкие наемники-профессионалы, в сознании которых существовала лишь война, чрезвычайно жестоко обходились с мирным населением, в отличие, например, от швейцарцев, не только скованных более жестокой дисциплиной, но и, что немаловажно, в большинстве своем имевших на родине собственное хозяйство и потому ощущавших себя, может быть, в большей степени крестьянами, чем военными. «Милосердный ландскнехт перед Богом — мученик», — гласит немецкая пословица, однако, ни во что не ставя чужие жизни, наемник не особенно ценил и свою. Тем не менее, для него имело огромное значение то, как он умрет. Единственной достойной кончиной признавалась смерть на поле боя. Неудивительно, что эпидемии и голод, уносившие в те времена значительно больше жизней, нежели оружие противника, старательно изгонялись из сознания воинов. Очень редко они упоминались в военном фольклоре. Даже жесткий реалист Йорг Графф обходит эту тему в своей песне об Ордена ланд-

скнехтов, упоминая только о бедствиях безработных зольднеров: «Но как можно быть в строгом Ордене? Они страдают от большой нужды ночью и днем»⁸³. Прочие же авторы, как правило, вообще стараются не упоминать о негативных моментах солдатской жизни, на практике куда более весомых, чем позитивные. Это не должно удивлять, поскольку орденская идеология как раз и служила тому, чтобы скрыть, по возможности, теневую сторону, преобразить ее или, по меньшей мере, помочь кнехтам преодолеть все те напасти, которые были столь же неизбежными спутниками зольднера, как и его непомерно раздутый гонор. Впрочем, о теневой стороне никогда не забывали современники — критики наемничества, всеми силами стараясь разрушить сложившийся образ воина.

Со временем средства орденской идеологии, лишенной одной из своих главных основ, становились все менее эффективными. Постепенное обнищание немецких военных, как и все более заметное снижение их престижа в глазах общества, не могло не отразиться на уровне самооценки наемников, особенно пехотинцев. Еще одним и самым болезненным ударом стал переход большей части дворян из их рядов в ряды рейтарской конницы, более престижной и лучше оплачиваемой. Этот удар стал, прежде всего, ударом по идеологии, обеспечивавшей высокий статус ландскнехта в глазах самих наемников. Если еще в 1495г., задолго до прихода к ним общеевропейской славы, ландскнехты пели о себе:

«Ландскнехтов восхваляют:

Они поддерживают Римскую империю

Как умело и как мудро

И, вместе с тем, храбро!

О, король, они стоят [перед тобой] в шляпах,

Ты теперь не можешь добиться ничего доброго

Без благочестивых ландскнехтов»⁸⁴,

то с середины XVI века их песни можно было услышать все реже и реже. Снижение боеспособности, усугублявшееся издержками профессионального наемничества, отсутствием каких-либо движущих сил, помимо жажды наживы и лютой злобы по отношению к отвергшему их обществу, привело к тому, что действительно славных побед становилось все меньше и меньше, да и сама стратегия тогдашней войны крупным сражениям все более предпочитала планомерное разорение вражеских земель. Кроме того, ввиду повсеместного создания национальных войск, сфера, в которой немецкие зольднеры могли найти себе применение, постоянно сужалась. Гордые своей силой ландскнехты и, несколько позднее, рейтары все заметнее превращались в трактирных хвастунов и пустословов. Само, некогда славное, имя «ландскнехт» встречалось все реже, и с последней трети XVI столетия если и употреблялось, то скорее в ироническом смысле.

Самым ярким свидетельством потери ими самоуважения являлся, казалось бы, косвенный факт. Ранее с возмущением отказывавшиеся от любой физической работы, кригскнехты конца XVI столетия уже готовы согласиться на нее, в случае крайней необходимости, при условии своевременной выплаты жалования. На практике это означало отказ, одна-

ко, сам факт признания такой возможности говорит уже о многом. В годы же Тридцатилетней войны обнищание наемников-пехотинцев достигло такой степени, что многие, правда, за отдельную плату, «рыли шанцы и ломали как лошади». В это время, особенно в гарнизонах, наблюдалось явление, прежде неслыханное: некоторые солдаты возвращались к занятию ремеслом⁸⁵.

В результате наемники были доведены до такого состояния, что, ради надежного куска хлеба, который предоставляла постоянная служба, например, в войсках Морица Оранского, они были готовы подвергнуться муштре и отказаться от всех привилегий и вольностей, которыми прежде так дорожили. Краткосрочное подрядное наемничество неуклонно близилось к своему концу, и немалую роль в этом сыграло и преобразившееся групповое сознание.

Тем не менее, полная резких контрастов военная жизнь затягивала во все времена. Раз выбрав себе дорогу, человек, ставший наемником, очень редко поворачивал назад, возвращаясь к размеренной, скучной и скудной жизни обывателя. И дело тут было не только в том, что он обычно не имел такой возможности. На его пути вставал и непреодолимый психологический барьер, и в этом смысле, образ жизни зольднера был схож с образом жизни алкоголика, неспособного отказаться от своего пагубного порока. Кроме того, различия в мировоззрении между военными и невоенными были настолько велики, что пропасть, развершаясь между ними, в подавляющем большинстве случаев оказывалась непреодолимой.

¹ *Fragensteiner O.* Die Schlacht bei Bicocca, hrsg. von Steinböck W. // Kleine Studien aus dem Maristenkolleg. Mindelheim, 1973, № 6.

² *Baumann R.* Georg von Frundsberg, Vater der Landsknechte, Feldhauptman von Tirol. München, 1991, S. 217.

³ *Baumann R.* Landsknechte: ihre Geschichte und Kultur vom späten Mittelalter bis zum Dreissigjährigen Krieg. München, 1994, S. 113.

⁴ *Fronsperger L.* Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung / wie sich ein jeder Kriegsmann inn seinem Ampt und Beulch halten soll / und zu Anfang eines Kriegs zuezwagen unnd zubetrachten sey... Frankfurt am Mein, 1555, ff. XLVIII.

⁵ *Александров С.Е.* Статейная грамота — памятник военного права периода позднего средневековья // Научные труды МПГУ. М., 1999. С. 192.

⁶ *Römisch Kayserlicher Mayestat Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte.* Wien, 1883, Bd. I., F. 33.

⁷ *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften, vomehmlich in Deutschland. München — Leipzig, 1889, S.476.

⁸ *Валльгаузен Й.Я.* Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 30.

⁹ *Baumann R.* Landsknechte... S.114.

¹⁰ *Tratzberg P.P. von.* Holländisch Kriegs Recht, und Artickels-Brieff, von Herr Petro Pappo von T ratzberg, mit Annotationibus und Fundamentis Jurisdicis also explicirt, dass es genehnt mag werden ein Corpus Juris militaris, beyffig Kayser Maximiliani II Artickels-Brieff. Frankfurt am Mayn, 1632, S. 150; *Schwendi L. von.* Lazarus von Schwendi, der erste Verkünder allgemeinen Wehrpflicht, hrsg. von Frauenholz E. Hamburg, 1939, S. 36.

- 11 Moller H.M. Das Regiment der Landsknechte. Untersuchungen zu Verfassung, Recht und Selbstverständnis in deutschen Söldnerheeren des 16. Jh. // Frankfurter historische Abhandlungen. Bd. 12., Wiesbaden, 1976, S. 58.
- 12 Fugger J.J. Spiegel der Ehren des Erzhauses Oesterreich. Nürnberg, 1668, S. 1373.
- 13 Meinhard A. Der Schwartenhals, Lieder der Landsknechte. Heidenheim an der Brenz, 1976, S. 63, 88, 95; Liliencron R. von. Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13-16. Jh., Leipzig, 1865-1869. Bd. II., № 245; Bd. III., № 289, 293, 418.
- 14 Александров С.Е. Указ. соч. С. 193.
- 15 Вальггаузен Й.Я. Указ. соч. С. 54.
- 16 Römisch Kayserlicher Mayestat Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte. Bd. II., F. 33.
- 17 Ibid. Bd. II., F. 22.
- 18 Baumann R. Landsknechte... S. 116.
- 19 Sastrow B. Ein deutscher Bürger der sechzehnten Jahrhunderts. Selbstschilderung des stralsunder Burgermeister Bartholomeus Sastrow. Leipzig, 1972, S. 137-138.
- 20 Tratzberg P.P. von. Op.cit. S. 145,146.
- 21 Ibid. S.143.
- 22 Baumann R. Landsknechte... S. 118.
- 23 Ibid. S. 119.
- 24 Tratzberg P.P. von. Op. cit. S. 148.
- 25 Fronsperger L. Op. cit. ff.LXXV-F.LXXV.
- 26 Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. М., 1997. С. 14.
- 27 Gagliardi E. Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft bis zum Abschluß der mailändischen Kriege 1516. Darstellung und Quellenberichte. Leipzig, 1914, S. 158.
- 28 Liliencron R. von. Op. cit. Bd. 3. № 361; Baumann R. Georg von Frundsberg... S. 200.
- 29 Baumann R. Landsknechte... S. 114.
- 30 Fragensteiner O. Op. cit. F. 13.
- 31 Цит. по: Liebe G. Der Soldat in den deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1899, S. 44.
- 32 Meinhard A. Op. cit. S. 64-66.
- 33 Янсен Г. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации. СПб., 1898. С. 74-75.
- 34 Tratzberg P.P. von. Op. cit. S. 145.
- 35 Вальггаузен Й.Я. Указ. соч. С. 29.
- 36 Fronsperger L. Op. cit. F. LXVII; Tratzberg P.P. von. Op. cit. S. 145-146, 148.
- 37 Ibid. S. 148.
- 38 Ibid. S. 145.
- 39 Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. М., 1976. С. 205-207.
- 40 Вальггаузен Й.Я. Указ. соч. С. 52-53.
- 41 Цит. по: Thiel E. Geschichte des Kostüms. Die europäische Mode von Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1982, S. 188.
- 42 Römisch Kayserlicher Mayestat Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte. Bd. I, F. 23.
- 43 Meinhard A. Op. cit. S. 12.
- 44 Baumann R. Landsknechte... S. 187-188.
- 45 Jörg J.E. Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522-1526. Freiburg i. Breisgau, 1851, S. 240-242.
- 46 Baumann F.L. Quellen zur Geschichte der Bauernkriegs in Oberschwaben. Tübingen, 1876, S. 251, 618.
- 47 Ibid. S. 727.
- 48 Ibid. S. 543.
- 49 Ibid. S. 543.
- 50 Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии (по летописям и рассказам очевидцев). Т. II. М., 1937. С. 37-38.
- 51 Baumann R. Landsknechte... S. 191.
- 52 Liliencron R. von. Op. cit. Bd. 3. № 383.
- 53 Baumann R. Landsknechte... S. 116.
- 54 Blau F. Die deutsche Landsknechte. Ein Kulturbild. Görlitz, 1882, S. 127.

- ⁵⁵ *Baumann R.* Landsknechte... S. 189.
- ⁵⁶ *Baumann R.* Georg von Frundsberg... S. 263, 277.
- ⁵⁷ *Reissner A.* Historia Herrn Georgen unnd Herrn Casparn von Frundsberg / Fatters und Sons / beyder Herrn zu Mündelheim / und keyserlicher Oberster Feldherrn / Ritterlichen und Loblichen Kriegßthaten. Frankfurt am Mein, 1568, S. 120.
- ⁵⁸ Цит. по: *Blau F.* Op. cit. S. 128.
- ⁵⁹ Цит. по: *Liebe G.* Op. cit. S. 45.
- ⁶⁰ Цит. по: *Baumann R.* Landsknechte... S. 195.
- ⁶¹ *Welti L.* Graf Jakob Hannibal I. von Hohenems. Ein Leben im Dienste des katholischen Abendlandes. Innsbruck, 1954, S. 204.
- ⁶² *Baumann R.* Landsknechte... S. 195.
- ⁶³ *Uhlhorn F.* Reinhard Graf zu Solms, Herr zu Münzenberg, 1491-1562. Marburg, 1952, S. 145-201.
- ⁶⁴ Цит. по: *Liebe G.* Op. cit. S. 25.
- ⁶⁵ *Вальггаузен Й.Я.* Указ. соч. С. 26.
- ⁶⁶ *Liebe G.* Op. cit. S. 44.
- ⁶⁷ *Бранд С.* Корабль дураков. *Сакс Г.* Избранное. М., 1989. С. 273-275.
- ⁶⁸ *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1995. С. 156.
- ⁶⁹ *Эразм Роттердамский.* Разговоры запросто. М., 1969. С. 38.
- ⁷⁰ *Пузыревский А.* История военного искусства в средние века. СПб., 1884. С. 150-151.
- ⁷¹ *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 243-244, 247.
- ⁷² Там же. С. 246.
- ⁷³ *Вальггаузен Й.Я.* Указ. соч. С. 27.
- ⁷⁴ *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Указ. соч. С. 246.
- ⁷⁵ *Гриммельсгаузен Г.Я.К.* Указ. соч. С. 149-150.
- ⁷⁶ Там же. С. 81.
- ⁷⁷ *Römisch Kayserlicher Mayestat Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte.* Bd. I., F. 28.
- ⁷⁸ *Гриммельсгаузен Г.Я.К.* Указ. соч. С. 146.
- ⁷⁹ Там же. С. 145.
- ⁸⁰ *Möller H.M.* Op. cit. S. 39.
- ⁸¹ *Рихтгофен.* Военное хозяйство в военном, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1866. С. 263.
- ⁸² *Эразм Роттердамский.* Указ. соч. С. 171.
- ⁸³ *Meinhard A.* Op. cit. S. 10.
- ⁸⁴ Цит. по: *Blau F.* Op. cit. S. 125.
- ⁸⁵ *Гриммельсгаузен Г.Я.К.* Указ. соч. С. 280.